

По благословению приснопамятного
Высокопреосвященнейшего Лавра,
митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского,
Первонерарха Русской Православной Церкви Заграницей

международный исторический журнал

Русь

2026. № 83

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

УДК 94(47)“1920”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/83/16

Забывшие мемуары русско-украинского генерала

А.В. Ганин

Институт славяноведения РАН

Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена анализу воспоминаний генерал-лейтенанта Г.Е. Янушевского «Украинский вопрос в Крыму при генерале П.Н. Врангеле», изданных в 2025 г. в Москве под редакцией А.А. Чемакина. Генерал Янушевский (18.11.1861 – не ранее 1940) провел Гражданскую войну в поисках своего лагеря и перспективной карьеры. Он жил в Советской России, откуда в конце 1918 г. уехал на Украину, дважды (в 1918–1919 гг. и в 1921–1922 гг.) служил в украинской армии, а между этими периодами оказался на Белом Юге, но никакой должности там не получил. Свои записи генерал Янушевский делал ещё в 1920 г., но позднее их дорабатывал и редактировал. В результате воспоминания были завершены только в 1934 г. Они отражают как личные переживания мемуариста у белых, так и события истории Вооружённых сил на Юге России и Русской армии генерала П.Н. Врангеля в 1920 г., а также касаются внутренней, внешней и национальной политики Врангеля. Особое внимание уделено украинскому направлению политического курса белого командования и его непоследовательности. Мемуарист описывает ряд нереализованных инициатив, предлагавшихся украинскими общественными деятелями белым властям. Особый интерес представляют характеристики целого ряда исторических деятелей, оставленные мемуаристом. Рукопись Янушевского хранится в Государственном архиве Российской Федерации, а первоначально была продана мемуаристом Русскому заграничному историческому архиву в Праге.

Ключевые слова: Гражданская война, Русская армия, Крым, Юг России, П.Н. Врангель, Г.Е. Янушевский

Forgotten memoirs of a Russian-Ukrainian general

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia
E-mail: andrey_ganin@mail.ru

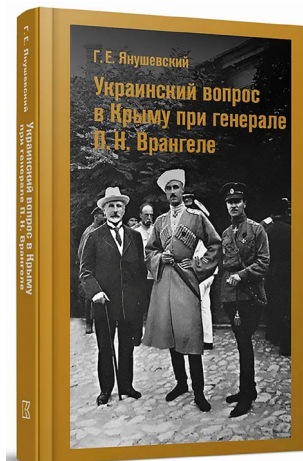
Abstract

This article analyzes the memoirs of Lieutenant General Grigory E. Yanushevsky, titled *The Ukrainian Question in Crimea under General Pyotr N. Wrangel*, published in Moscow in 2025 under the editorship of Anton A. Chemakin. General Yanushevsky (November 18, 1861 – died no earlier than 1940) spent the Russian Civil War searching for a faction to join and a promising career. He lived in Soviet Russia, from which he left for Ukraine at the end of 1918; he served in the Ukrainian army twice (in 1918–1919 and in 1921–1922), and in the intervening period found himself in the White-controlled South, but did not hold any position there. Yanushevsky made his notes as early as 1920, later refining and editing them. As a result, the memoirs were only completed in 1934. They reflect both the writer's personal experiences among the Whites and the historical events concerning the Armed Forces of Southern Russia and General Wrangel's Russian Army in 1920. The memoirs also touch on Wrangel's domestic, foreign, and national policies, with particular attention to the Ukrainian dimension of the White command's political course and its inconsistencies. Yanushevsky describes several unrealized initiatives proposed by Ukrainian public figures to the White authorities. Of particular interest are the characterizations of various historical figures left by the memoirist. The manuscript is held in the State Archive of the Russian Federation and was originally sold by the memoirist to the Russian Historical Archive Abroad in Prague.

Keywords: Civil War, Russian Army, Crimea, South Russia, Pyotr N. Wrangel, Grigory E. Yanushevsky

В конце 2025 г. в Москве в издательстве «Кучково поле Музеон» и издательском центре «Воевода» вышли воспоминания генерала Г.Е. Янушевского «Украинский вопрос в Крыму при генерале П.Н. Врангеле», подготовленные петербургским историком, кандидатом исторических наук А.А. Чемакиным [25].

Биография мемуариста довольно любопытна. Генерал-лейтенант Григорий Ефимович Янушевский (18.11.1861 – не ранее 1940) родил-

ся в семье чиновника Подольской губернии. Он получил блестящее для своего времени образование – обучался в Подольской духовной семинарии, окончил Варшавское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (выпуск 1890 г.). Владел французским, польским, сербским и немного немецким языками. В академии вместе с Янушевским учился выдающийся отечественный военный деятель генерал М.В.Алексеев, с которым они поддерживали общение и в дальнейшем.

Григорий Ефимович принял участие в Русско-японской и Первой мировой войнах, отличившись в каждой из них. В 1905 г.

был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость», а десять лет спустя, в 1915 г., – орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1905-м был произведен в генерал-майоры, а в 1914-м – в генерал-лейтенанты. В годы Первой мировой командовал 1-й Гренадерской дивизией и III армейским корпусом. По своим взглядам был монархистом. Как писал о себе Янушевский, «я не новичок в штабной работе вообще и в частности – по службе Генерального штаба, так как в течение тридцатилетнего пребывания в Генеральном штабе прошел полный практический стаж от старшего адъютанта штаба дивизии до должности начальника штаба округа, которую я не раз исполнял» [25: 194].

В марте 1917 г. корпус Янушевского потерпел поражение на реке Стоход, а в апреле генерал в результате так называемых гучковских чисток (когда из армии под предлогом омоложения командного состава и удаления некомпетентных начальников массово увольняли старших офицеров) был уволен в отставку с мундиром и пенсией формально по состоянию здоровья. Что интересно, новый военный министр Временного правительства А.И. Гучков сделал это по согласованию с товарищем Янушевского по академии Алексеевым, тогда временно исполнявшим должность Верховного главнокомандующего [21: 678].

После отставки приходилось изыскивать способы заработка. Неудивительно, что в дневнике генерала А.Е. Эверта за 24 марта 1918 г. было записано: Янушевский «сильно постарел, пенсии не получает и хлопчет устроиться на службе у одного купца, кроме того состоит ревизором в офицерском экономическом обществе, получает 10 р[уб.] в сутки и обед» [13: 246]. Очевидно, вариант поступления на службу в

зарождавшуюся Красную армию старый генерал для себя не рассматривал, но пребывание Янушевского в Советской России, исключая это упоминание, остается пока «белым пятном» его биографии.

С началом Гражданской войны Григорий Ефимович оказался перед необходимостью политического выбора. О своих настроениях того периода он позднее вспоминал: «Все же мое существо... было проникнуто отвращением и к большевистским порядкам, и к тогдашней Красной армии, к которым я успел уже близко присмотреться за время своего пребывания в Москве» [25: 61]. В ноябре 1918 г. в связи с дефицитом кадров Генерального штаба большевики перешли от добровольных мер привлечения такого рода специалистов к мобилизациям [11: 295–296]. И хотя документов о привлечении Янушевского на службу в новую армию обнаружить не удалось, рано или поздно, несмотря на возраст, мобилизовали бы и его. Чтобы этого избежать [25: 61], как раз в ноябре того же года генерал бежал из Москвы в Киев вместе с женой Надеждой Ивановной Янушевской и падчерицей Зинаидой Ивановной (на 1928 г. её фамилия была Смирнова). Как он писал впоследствии, отправились «к себе на родину – на Украину» [7: 16]. Направление отъезда тогда было сравнительно популярным в образованной среде, поскольку на Украине под защитой германских штыков можно было переждать безвременье российской Гражданской войны. Позднее супруга и падчерица генерала вернулись в Москву.

Уже в начале декабря в Киеве Григорий Ефимович поступил на службу в армию Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского в качестве представителя Генерального штаба при морском министерстве. После произошедшего вскоре прихода к власти украинских националистов из Директории Украинской народной республики (УНР) Янушевский, в отличие от многих его сослуживцев, бежавших к белым, остался на украинской службе. Занимал различные должности и даже сделал там карьеру, став в июне 1919 г. 2-м генерал-квартирмейстером штаба Действующей армии УНР [9: 12]. На этом посту он пробыл до начала октября того же года, причем, как отмечал он сам, в его управлении «сосредотачивались все жизненные интересы армии, кроме оперативной части и довольствия» [25: 110], в т. ч. все личные служебные вопросы военнослужащих, обращавшихся непосредственно к Янушевскому.

Генерал считал украинцев и русских ветвями единого русского народа. Судя по всему, он принадлежал к сторонникам федерации Украины и России [25: 227] и не был идейным приверженцем радикального украинского национализма. Правда, некоторое время восхищался главой Директории УНР С.В. Петлюрой, но затем ра-

зочаровался в нем. Возможно, повлияли на Янушевского и успехи белых в 1919 г. В докладе бывшего начальника отдела заграничной прессы украинского Генштаба подполковника Я. Макогона о высшем командном составе украинской армии от 13 ноября 1919 г. отмечалось, что Янушевский, несмотря на высокий пост в украинской армии, осторожно помогал деникинцам [15: 455]. Показательно и то, что, когда в начале сентября 1919 г. замаячила угроза столкновений украинских войск с белыми, генерал заявил о своем желании оставить украинскую службу [7: 75 об.; 15: 70]. Кроме того, высказывался против войны с деникинцами, предлагая объединить с ними усилия в борьбе с большевиками [15: 102, 119]. Затем подал в отставку по состоянию здоровья и был уволен 6 октября 1919 г., хотя заменить генерала, как выяснилось, было практически некому [15: 262].

В приказе войскам Надднепрянской Действующей армии УНР № 133 от 6 октября 1919 г., подписанном командующим армией генералом В.П. Сальским и начальником штаба генералом В.А. Синклером, отмечались многочисленные заслуги Янушевского перед украинскими войсками – его энергия, образованность, организаторские способности, благодаря которым за три с половиной месяца работы удалось выполнить то, что другой на его месте выполнил бы за год. Составители приказа сожалели об уходе Янушевского, выражали ему искреннюю благодарность и отмечали, что вся его работа была направлена на то, чтобы сделать украинскую армию по-настоящему регулярной [9: 10; копия приказа воспроизведена в: 25: 111].

Затем последовал переход на сторону белых, который в позднейших воспоминаниях Янушевский объяснял тем, что «больной тифом, стал пленным той же русской армии, в которой я ещё недавно занимал высокое положение командира корпуса» [7: 16]. Едва ли мемуарист не понимал, что Вооруженные силы на Юге России (ВСЮР) не тождественны старой русской армии. Впрочем, его переход, очевидно, соответствовал умонастроениям генерала осени 1919 г. на фоне успехов белых.

Пройдя стандартную процедуру «реабилитации» (по сути проверки) в связи с его украинской службой, Янушевский был зачислен в резерв чинов при Общем отделе Военного управления ВСЮР. Однако у белых какой-либо должности генералу не нашлось (возможно, как раз по причине прежней активной службы в войсках УНР), чем объяснялось последующее разочарование в них. Чтобы найти себе хоть какое-то применение, Григорий Ефимович накануне эвакуации белыми Екатеринодара взялся добровольно помогать члену Кубанского краевого правительства по военным делам генералу

Л.М. Болховитинову составлять боевые сводки, что считалось работой для обер-офицеров [25: 195].

После эвакуации из Новороссийска в Крым он занялся общественной работой в украинских организациях, чему отчасти и посвящены опубликованные воспоминания. Однако метания и двойственная идентичность генерала приводили к тому, что петлюровцы воспринимали Янушевского как сторонника белых, а врангелевцы считали его «щирым украинцем» [25: 195–196]. В результате на службу к белым его не взяли. Пребывавший в резерве чинов генерал получал жалование младшего офицера и позднее вспоминал своё «мучительное... состояние в полном бездействии в резерве Русской армии» [25: 203]. Сравнивая крымский период со службой в войсках УНР, Янушевский писал: «Совсем иные воспоминания оставило во мне мое кратковременное пребывание в рядах украинской армии. Там я был незаменимый, желанный работник. Там моя деятельность находила себе совершенно иную оценку» [7: 17 об.]. Неудивительно, что уже осенью 1920 г. вместе с украинской военной делегацией генерал передал командующему армией УНР генералу М.В. Омеляновичу-Павленко и генералу А.С. Галкину письма с просьбой принять его назад [25: 202].

Из Крыма Янушевский эвакуировался вместе с белыми в ноябре 1920 г. в Константинополь, а затем попал в Королевство сербов, хорватов и словенцев и поселился в Вараждине в Хорватии. Прозябание без всякого дела на беженское пособие, очевидно, пришлось ему не по душе, поэтому в начале 1921 г. Янушевский твердо решил вернуться на украинскую службу и после многомесячной утряски разного рода формальностей летом 1921 г. отправился в Польшу, где были интернированы украинские войска. Раздел своих неопубликованных воспоминаний об этом Янушевский озаглавил характерно: «К своим» [7: 16].

Генерала прочили на должность украинского военного министра, но эти планы не осуществились. Вновь оказавшись у украинцев, Янушевский стал временно исполняющим должность помощника начальника Генерального штаба генерала В.Н. Петрова с чином генерал-поручика, а утвержден в должности был 27 января 1922 г. [23: 9]. Наряду с работой в Генеральном штабе, Янушевский вел преподавательскую работу на украинских курсах Генерального штаба в лагере интернированных Калиш, где читал курс стратегии (подробнее см.: [12]). В украинской армии Янушевский продержался недолго и уже летом 1922 г. фактически покинул её ряды, разочаровавшись в перспективах такой службы.

В своих воспоминаниях об украинской армии в Польше он оставил немало едких, ироничных суждений об украинских военных и поли-

тических деятелях, писал о невежестве командного состава, развале организации и дисциплины. Упоминал и о практике изгнания из армии украинскими националистами образованных русских офицеров как нелояльных, что лишало войска грамотного управления [7: 33–34]. «Пусть сам читатель, ознакомившись с этими воспоминаниями, даст себе ответ, почему, в конце концов, так бесславно окончила своё существование эта армия», – писал генерал в предварявшем рукопись обращении к читателю [7: 12]. И сам же отвечал на свой вопрос: «Личное мнение автора такое: В этом сознательно или бессознательно виноваты самозванные руководители украинской армии, совершенно не отвечавшие этой великой исторической роли. Окончательное же мнение пусть скажет беспристрастная История» [7: 12]. Как отмечал рецензент этой рукописи из Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге профессор А.В. Флоровский, «воспоминания генерала Янушевского являются весьма обстоятельными свидетельскими показаниями человека, прошедшего серьёзную жизненную школу, делового, строгого в работе» [6: 130].

Покинув военную службу, Янушевский поселился в Брест-Литовске (в 1923–1939 гг. – Бресте-над-Бугом) и устроился на работу в техническую контору по разработке леса. Генерал был одинок, а свободное время посвящал общественной деятельности и литературному творчеству – писал мемуары и псевдоисторические исследования о происхождении славянского племени Русь и русского народа, причем предусмотрительно собирал положительные отзывы о своей научной работе, в т. ч. у столь же некомпетентных в исследуемом вопросе прежних товарищей по службе Генерального штаба [4: 4 об.–5, 48 об.–49 об., 50 об.–51–56; 25: 41]. Эти изыскания увенчались выходом в 1934 г. в Бресте небольшой книги «Начало истории русского народа по новейшим данным», посвящённой «великому русскому народу в годину его тяжких испытаний, с сыновней любовью и твердой верой в его светлое будущее».

Стоит отметить, что писал Янушевский на русском языке. В своих взглядах генерал постепенно эволюционировал в сторону русского национализма (по-видимому, вернувшись к своим дореволюционным взглядам), что сочеталось и с его антисемитскими настроениями, пронизывающими рукописи. Свой архив Янушевский смог продать РЗИА, с военным экспертом которого генералом В.В. Чернавиным состоял в переписке (письма Янушевского хранятся в: [5]). Как установил А.А. Чемакин, Янушевский проживал в Бресте вплоть до Второй мировой войны и встретил там приход Красной армии. Скончался он, по-видимому, в период немецкой оккупации между 1941 и 1944 гг., а смерть его на фоне Второй мировой войны осталась незамеченной [25: 42–43].

Воспоминания генерала Янушевского об украинском вопросе во врангелевском Крыму хранятся в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации, куда они попали в составе РЗИА, вывезенного после Второй мировой войны из Праги. Публикация воспоминаний подготовлена А.А. Чемакиным на высоком научном уровне. Издание снабжено биографическим предисловием о самом Г.Е. Янушевском, в основе которого документы одиннадцати отечественных и зарубежных архивов. К воспоминаниям подготовлено 300 развернутых комментариев, расположенных в конце книги, а примечания самого мемуариста даются постранично.

Основу воспоминаний составили записи, сделанные их автором непосредственно в 1920 г. в Крыму [25: 55]. После эвакуации из Крыма Янушевский, оказавшийся в городе Вараждин в Хорватии, в начале 1921 г. по свежей памяти привёл свои записи в порядок, а затем дополнил их данными других лиц, материалами периодической печати и документами [4: 9]. При этом мемуарист порой выходил за рамки личных воспоминаний и свидетельств, в связи с чем рецензент РЗИА профессор А.В. Флоровский позднее раскритиковал мемуары с этой точки зрения: «Придавая всем этим отмеченным элементам мемуаров Гр[игория] Янушевского ограниченную цену лишь в смысле характеристики той психологической установки, которая была присуща ему лично и людям его круга и воззрений; мы должны с большей серьезностью отнестись к тем частям рассматриваемых мемуаров, которые содержат собственно свидетельские показания их автора» [6: 165–165 об.]. Флоровский обратил внимание на то, что «эти показания касаются почти исключительно проектов, переговоров, намерений и планов, не вышедших из стадии предварительности и подготовки, при этом автор мемуаров повествует об этом всё не без известной растянутости. Тем не менее, эти показания читаются с интересом и для историка крымских событий 1920 г. и постановки украинской проблемы в это время дают некоторый положительный материал» [6: 165 об.].

Завершены мемуары были только в 1934 г. Чтобы минимизировать неточности, Янушевский показал свою рукопись двум украинским деятелям – бывшему председателю Украинского центрального блока в Крыму Н.Г. Левченко и полковнику В.И. Чоповскому. Правда, генералу В.В. Чернавину Янушевский в июле 1933 г. сообщил, что обнародовать его работу преждевременно [4: 9 об.]. На следующий год он писал тому же Чернавину о своем труде: «Работа – честная, правдивая, написанная “кровью сердца моего”, совершенно оригинальная, новая, освещающая одну из сторон “Крымской эпопеи”, кажется, ещё

ником не затронутую. Кое-кому она придется не по душе» [4: 10]. Воспоминания были проданы архиву весной-летом 1934 г. с условием опубликовать их «или по возвращении русской эмиграции в Россию, или после моей смерти» [1: 4].

Читателей, несомненно, привлекут встречающиеся на страницах воспоминаний яркие описания внутренней жизни Белого Крыма, а также состояния деникинской и врангелевской армии. О моральном состоянии белых конца правления Деникина генерал Янушевский писал: «Недисциплинированные, распущенные вконец толпы добровольцев-солдат со своими офицерами самовольно уходили с фронта, захватывали поезда и направлялись в Новороссийск, безобразничали там на улицах, производили самочинные [наборы] поборы и обыски в домах, а главное – силою захватывали себе пароходы для бегства в Крым, нарушая этим планы и расчеты по эвакуации» [25: 62–63]. Генерала неприятно поразила хаотичная новороссийская эвакуация белых. Он вспоминал различные её эпизоды. Например, конфликт между дроздовцами и алексеевцами на одном из покидавших Новороссийск пароходов, что едва не привело к перестрелке [25: 64]. Проблематично эвакуироваться было даже военным в высоких чинах – группе генералов, в которой находился и Янушевский, один полковник-доброволец заявил: «Такую, как вы, сволочь, нужно просто сбросить в море как навоз» [25: 65] и приказал гнать их с парохода прикладами, хотя среди генералов были и георгиевские кавалеры с крестами на груди.

Чрезвычайно любопытны субъективные, но яркие портретные характеристики участников Белого движения, оставленные Янушевским. Мемуарист принадлежал к категории уже немолодых генералов (родился в 1861 г.) и с раздражением (и, видимо, с некоторой ревностью) отзывался о тех офицерах, которые сделали стремительную карьеру в годы Гражданской войны и оказались во главе белого лагеря. Если с критикой в адрес начальника штаба генерала П.Н. Врангеля, генерала П.Н. Шатилова (1881 года рождения – на два с лишним десятка лет моложе Янушевского) можно согласиться – его кто только не критиковал, то некоторые другие объекты критики Янушевского вызывают недоумение. Так, генерал-квартирмейстер генерала Г.И. Коновалова (1882 года рождения) он характеризовал как «трехнедельного академического стратега» [25: 107], полагая, что тот окончил лишь ускоренные курсы Императорской Николаевской военной академии [25: 171]. В действительности Коновалов окончил два класса академии в 1914 г. [10: 393]. Мемуарист был несправедлив и в оценке способностей Коновалова, считавшегося одним из лучших белых генштабистов.

Довольно резко Янушевский отзывался и о карьере генерала И.Д. Павличенко, начинавшего службу ординарцем у отца генерала П.Н. Шатилова и, как полагал мемуарист, благодаря протекции достигшего карьерных высот [25: 86], а ко времени крымской эвакуации сколотившего состояние. На деле, несмотря на плохую грамотность, Павличенко смог выбиться в офицеры, а в рядах ВСЮР проявил себя как способный кавалерийский начальник и самородок, хотя продвигал его действительно П.Н. Шатилов [25: 331–332].

Рассуждениям о выскочках эпохи Гражданской войны посвящено немало мест публикуемой рукописи. По мысли немолодого генерала, помочь белым могли «старые, знающие и опытные “царские”, т. е. кадровые, офицеры, а не революционные “вундеркинды”» [25: 82]. Однако злокозненные «вундеркинды» (Янушевский называл их ещё по аналогии с «младотурками» – «младорусскими» генералами) всячески отстраняли таких от командования или держали их в резерве. «Вундеркинды» и выскочки в самом деле отметились разного рода нелепыми распоряжениями, но привлечение на службу пожилых генералов в условиях Гражданской войны оправдывало себя далеко не всегда. То, что многочисленные старые генералы белым не требовались (ввиду переизбытка и порой неспособности работать в новых условиях), Янушевский, видимо, понять не мог. Он приходил к категоричному выводу, что «все честные, разумные офицеры под всевозможными предложениями старались уклониться от службы» ввиду неизбежной катастрофы [25: 119].

Как видим, сетования Янушевского были справедливы лишь отчасти. Среди его категоричных заявлений было и упоминание запрета на въезд в Белый Крым всем генералам [25: 85]. О подобной дискриминации нам неизвестно, а многочисленные обратные примеры это утверждение опровергают. Возможно, имелось в виду, что для приезда в Крым на пароходе, зафрахтованном властями, требовался приказ о посадке на судно, дававшийся военным представителем главнокомандующего при союзном командовании в Константинополе генералом А.С. Лукомским (см., напр.: [18: 359–360]), поэтому нежелательных лиц можно было отсеять. Вряд ли справедлив упрек и в том, что белые не считали полезными для себя генералов-генштабистов [25: 86]. Хотя многие генералы действительно оказывались в резервах чинов, ВСЮР и Русская армия были насыщены кадрами Генерального штаба в расчете на одного рядового существенно выше, чем их противник. Так, в РККА один специалист Генштаба в августе 1920 г. приходился примерно на 1 215 красноармейцев боевого состава, тогда как в армии Врангеля на осень 1920 г. – на 65 бойцов [11: 542].

В то же время Янушевский верно подмечал многие пороки белых. Он констатировал провал их гражданской политики, осуществлявшейся деятелями либерального направления, не имевшими никакого авторитета [25: 77–78]. Справедливо критиковал плохое отношение к пленным и перебежавшим от красных военспецам [25: 82]. Писал о высоком уровне коррупции и морального разложения белых, в лагере которых распространились насилие и грабежи [25: 70, 82–83], практиковалось самоснабжение, брались взятки, в личных целях использовалось служебное положение [25: 80, 85, 218], процветали спекуляции, пьянство и разврат [25: 69, 79–81]. Крупной аферой оказалось строительство стратегически важной для белых железнодорожной ветки Джанкой – Перекоп. В связи с дефицитом жилья в Крыму одним из предметов реквизиций и спекуляций стала недвижимость [25: 89]. В качестве одновременно вопиющего и курьезного случая Янушевский упоминал исчезновение в Севастополе летом 1920 г. некоего полковника Генерального штаба, который в действительности никуда не думал убежать, а занимался торговлей сельдью между Керчью и Константинополем [25: 80]. Злые языки утверждали, что шхуна этого полковника принадлежала генерал-квартирмейстеру Г.И. Коновалову (этот эпизод он излагал по: [2: 120]).

Наводить порядок белые пытались террором. Янушевский называл это даже «фонарной деятельностью» (в связи с повешениями на фонарных столбах). Особенно отличился в этом направлении генерал А.П. Кутепов [25: 73]. «Все яснее и яснее становилась неизбежность в Крыму новой катастрофы», – резюмировал мемуарист [25: 87]. Схожих взглядов придерживался и его знакомый генерал Т.М. Протазанов, также попавший к белым после украинской службы. Он, по словам Янушевского, «сознавал, что с такими негодными в моральном отношении элементами нельзя восстановить Россию» [25: 102].

По мнению мемуариста, «то, что происходило в Крыму, ясно показывало, что работа Генерального штаба заставляла желать далеко лучшего» [25: 194], причем «в Кубанской операции, как и в большей части других неудачных операций, чувствовалась не столько количественная недостаточность работы, сколько неопытность врангелевского Генерального штаба» [25: 195]. Разумеется, всё это писалось от обиды за то, что белое командование не использовало знания и опыт Янушевского, заставив его на протяжении восьми месяцев «изнывать от безделья, не желая воспользоваться моим бескорыстным предложением своих услуг, хотя бы даже в роли простого работника по части Генерального штаба» [25: 204]. Результатом, как он считал, стало поражение белых и их рассеяние по миру.

Мемуары Янушевского донесли отголоски противоречий в среде крымского генералитета. Так, он упоминал о попытке генерала П.И. Залесского критиковать политику Врангеля на страницах севастопольской газеты «Военный голос» [25: 88], что было пресечено штабом Врангеля, причем Залесского обвинили в оскорблении армии и отсутствии патриотизма.

Предметом особого внимания Янушевского стала политика белых в украинском вопросе. Он писал о недальновидности белого командования (в частности, генерала Н.Э. Бредова) в этом отношении ещё в своих неопубликованных воспоминаниях об украинской армии [7: 97]. В работе же о Белом Крыме отмечал, что генерал А.И. Деникин упустил из виду национальное самосознание украинского народа [25: 71], чем настроил украинцев против белых. Обычным делом во ВСЮР, как отмечал Янушевский, считались оскорбления на национальной почве, проводилась политика подавления украинской культуры, включая образование и театр¹. Разумеется, ни о какой независимой Украине не могло идти речи. Лишь позднее, когда белые потеряли контроль над Северным Кавказом, оказались загнаны в Крым и пытались заручиться любой поддержкой со стороны, их позиция поменялась, но было уже поздно.

В Крыму находилось некоторое количество офицеров, ранее служивших в украинских войсках, в т. ч. и такие, как генерал П.К. Ерошевич, которому было отказано в поступлении на службу к белым [25: 91]. Эти офицеры стремились вернуться на украинскую службу. Идею отправки бывших украинских офицеров на Украину поддержали 2-й генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего полковник П.Е. Дорман и начальник штаба генерал П.С. Махров, в 1918 г. работавшие на Украине [25: 93]. Известно, что Махров ещё весной 1920 г. выступал за военный союз с Украиной [3: 44; 16: 814] (однако и Дорман, и Махров вскоре покинули свои посты). В итоге Ерошевич с группой офицеров весной 1920 г. уехал из Крыма в Константинополь (по свидетельству Янушевского, на пароходе «Поти» ехали 35 человек [25: 98], хотя по списку сам Ерошевич там отсутствует [14: 388–389]²), и затем вернулся на службу в армию УНР.

Далее Янушевский описывает попытку Врангеля взять курс на создание единого антибольшевистского фронта из малых государств (во главе с самим «чёрным бароном»). Такая политическая линия предусматривала сближение с Украиной и заключение союза с главой Директории УНР С.В. Петлюрой. Для этого в Польшу была направлена специальная миссия генерала В.Ф. Кирея, окончившаяся неудачей. Врангель был готов признать украинскую армию и действовать в союзе с ней [25: 149], но позднее переменил своё мнение.

Возникла идея поддержать действовавших на Украине повстанцев, но, как только об этом стало известно, в Крым хлынул поток таких лиц, в т. ч. самозванцев, пытавшихся получить от белых денежные средства [25: 150].

Общественная жизнь крымских украинцев активизировалась летом 1920 г. В Крыму действовало не менее 18 различных украинских организаций. В июне была организована Главная беженская рада украинцев, в работе которой приняли участие сам Янушевский, полковники А.Л. Мариюшкин, Д.Н. Юскевич и др. (в основном офицеры).

В некоторых случаях к украинским беженцам себя относили те офицеры, самоидентификация которых, как и у Янушевского, была подвержена колебаниям. Характерный пример – полковник Алексей Лазаревич Мариюшкин (13.03.1877–14.11.1946) – уроженец Путивля Курской губернии, он учился в Харькове и Чугуеве, а в 1918 г. служил в украинской армии и писал тогда на украинском языке [22: 116]. В 1919 г. Мариюшкин перешел в РККА (тоже на Украине), а затем – во ВСЮР, позднее служил в Русской армии. В Белом Крыму летом 1920 г. он активно участвовал в украинской общественной жизни [25: 220, 372] и составил проект воззвания Врангеля к украинцам, который «мог вполне удовлетворить украинский народ и вызвать в нем подъем для борьбы с большевиками» [25: 155], но в итоговой редакции (не по вине составителя) документ оказался провальным – там даже не упоминалось об украинском народе, и вряд ли воззвание могло иметь какой-либо эффект [25: 155–156]. Воззвание публиковалось как на русском, так и на украинском языке. В эмиграции Мариюшкин примкнул к монархистам-легитимистам, получил известность как военный учёный, а впоследствии был вывезен в СССР и умер в ГУЛАГе, успев пообщаться с А.И. Солженицыным.

Среди старших офицеров ВСЮР и Русской армии в Крыму, а также офицеров, не состоявших на службе, имелся целый ряд сторонников украинского движения. Янушевский упоминал офицера управления дежурного генерала штаба главнокомандующего полковника В.М. Кохановского, которого характеризовал как убежденного украинского патриота [25: 152]. Он пристраивал стремившихся в украинские части в Севастопольский местный батальон, а сам в случае формирования в Крыму украинской дивизии рассчитывал на должность командира полка. В дальнейшем проукраинские взгляды Кохановского послужили причиной его отправки на фронт.

Ещё одним активным деятелем украинского движения был полковник А.А. Сахно-Устимович – участник украинизации старой армии в 1917 г., один из главных исполнителей гетманского переворота

в Киеве в 1918 г. и соратник гетмана П.П. Скоропадского. В 1919–1920 гг. он неоднократно предлагал белому командованию проекты возрождения запорожского казачества и деятельно участвовал в работе украинских организаций Крыма.

В прикомандировании к отделу генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего состоял полковник В.В. Кривенко, игравший заметную роль в разработке проектов создания украинских частей в Крыму. Ранее он служил в гетманской армии и в армии УНР, где командовал корпусом.

В разработке планов создания украинских частей в Крыму принимали участие и другие офицеры: бывший генерал гетманской армии С.В. Лукашевич; полковники Н.А. Петровский, В.П. Пышненко, В.И. Чоповский и Д.Н. Юскевич; капитан В.А. Якименко [25: 143–144, 165]. При этом различные украинские деятели Крыма видели перспективы дальнейших действий по-разному и нередко вступали в ожесточенные споры, тормозившие производительную работу [25: 184, 221].

Вскоре состоялся 1-й съезд представителей украинских организаций Крыма. Янушевского как опытного генштабиста попросили к съезду разработать план освобождения Украины от красных, чем он и занялся [25: 116]. Им был разработан проект формирования 1-й Украинской стрелковой дивизии из украинских уроженцев. Согласно проекту, в дивизию также допускались офицеры и солдаты неукраинского происхождения, «известные своей любовью к Украине, или служившие уже в украинских войсках, или связанные с Украиной материально» [25: 117]. Первоначально кадры должна была выделить армия Врангеля. Общая численность намечалась около 9 000 штыков и 500–800 шашек при 24 орудиях. Предполагалось, что язык в дивизии будет украинский, а в официальных сношениях – русский. Для отличия на головных уборах устанавливалась украинская кокарда. Возглавить дивизию намеревался сам Янушевский при начальнике штаба полковнике Н.А. Петровском, которого мемуарист «высоко ценил за его способности, познания, усердие к делу и прекрасные душевные качества» [25: 138]. Личный состав должен был набираться из «категористов» или, как писал Янушевский, «категориков», т.е. лиц, освобожденных от военной службы по болезни. По словам Янушевского, желание вступить в национальные части изъявили более 2 000 украинцев. Однако этот проект реализован не был.

С одной стороны, Врангель опасался оттока людей с фронта (по оценке Янушевского, 3/4 боевого состава армии Врангеля составляли украинцы [25: 167]), не подозревая об иных источниках, намеченных для комплектования дивизии [25: 119]. С другой стороны, начинание поддерживали кубанские казаки, уклонявшиеся от службы у белых. В

итоге белое командование посчитало проект неперспективным. К тому же среди украинцев стали проявляться устремления к созданию самостоятельных национальных формирований, действовавших независимо, а не в составе ВСЮР и Русской армии. Сам Янушевский мечтал «создать в Крыму из рассеянных и разрозненных украинских воинов ядро будущей нашей народной армии для борьбы с большевиками» [25: 178–179]. На встрече с ним Врангель разрешил сформировать в Крыму штаб и ячейку дивизии, а дальнейшую работу приказал вести уже за Днепром [25: 169–170]. Такое решение вызвало у Янушевского недоумение. Если Деникин, признав украинскую армию и государственность, был бы вынужден отказаться от идеи единой и неделимой России, то от Врангеля такого уже не требовалось, и, разрешив формирование дивизии, он бы ничего не терял [25: 179].

Янушевский разработал и план операции на правом берегу нижнего течения Днепра. Украинская дивизия должна была занять Херсон и Николаев, создав там базу [25: 126]. Составной частью успеха операции генерал видел массовое антибольшевистское восстание на Украине. К тому же, как уже отмечалось, некоторые представители повстанцев приезжали в Крым. Однако наработки генерала так и остались на бумаге. Более того, украинские собрания проходили без официального разрешения, что грозило их участникам большими неприятностями вплоть до высылки в Советскую Россию, а белая контрразведка, очевидно, взяла некоторых участников украинского движения в разработку, причем у секретаря беженской рады прошел обыск [25: 146–147].

Идея украинских формирований, однако, продолжала владеть умами белого командования. В итоге она трансформировалась в предложенный полковником В.В. Кривенко план создания украинских рот в составе русских полков 13-й пехотной дивизии корпуса генерала Я.А. Слащева, известного своим руководством боевыми действиями против украинских войск в 1919 г. Янушевский попытался перехватить инициативу, разработав проект частей особого назначения, к которым бы стали относиться украинские роты. Конечной целью было сведение их опять-таки в украинскую дивизию. Однако и из этого ничего не вышло. Происходившие перемены постепенно привели Янушевского к разочарованию в перспективах предлагавшегося проекта и вообще украинского движения при белых. Он называл это этапами своего «прозрения».

Политика белого командования в украинском вопросе была непоследовательной и противоречивой, хотя в её нюансы мемуарист посвящен не был. Тем не менее это направление активизировалось, в связи с чем летом 1920 г. Врангель учредил должность генерала

для поручений по украинским делам при главнокомандующем (в обиходе «украинский генерал»), на которую был назначен генерал В.Ф. Кирей [25: 159]. После этого Янушевский встречался с Врангелем по поводу формирования украинских частей, хотя и констатировал, что украинский вопрос не особенно интересовал белого главнокома, ведшего себя высокомерно [25: 166]. Работу генерала Кирея Янушевский расценивал не как полезную, а как откровенно вредную для белых, и отмечал, что этот генерал относился к Украине враждебнее других представителей врангелевского генералитета [25: 207]. Осенью 1920 г. Кирея на этом посту сменил генерал К.А. Присовский, но было уже поздно.

На Украину обращал внимание не только Янушевский. В начале сентября 1920 г. рапорт Врангелю о том, что Украина имеет большой потенциал для комплектования армии, представил генерал Я.А. Слащев-Крымский, разработавший тогда же план овладения Правобережной Украиной до линии Днепра [5: 1–3 об.; 19: 188–190]. Янушевский посвятил часть своих мемуаров разбору публикации Слащева по украинскому вопросу в 1920 г. [25: 173–177]. Именно Слащева прочили в вожди украинских формирований Крыма [25: 191], но из этого тоже ничего не вышло.

В августе – сентябре 1920 г. в Крыму находилась военная делегация УНР во главе с полковником И.Д. Литвиненко (подробнее см.: [24]). Янушевский знакомил товарищей по прежней службе с положением украинского вопроса в Крыму и передал им сведения о положении красных на Украине, полученные в штабе главнокомандующего. При этом мемуарист не упоминает, имел ли он какие-либо полномочия для передачи таких данных или же проявил инициативу. На фоне продолжавшейся Советско-польской войны белое командование рассчитывало заключить военное соглашение с УНР. Однако условия каждой из сторон были категоричны – белые претендовали на общее руководство операциями со стороны штаба Врангеля, что было неприемлемо для украинской стороны. Украинцы же были против перехода белых на правый берег Днепра и требовали передачи занимаемых Врангелем территорий Левобережной Украины украинским властям [25: 206]. В результате попытки договориться затянулись до поздней осени [20: 616–618]. Врангель же, как писал Янушевский, принял украинских делегатов лишь через месяц после их приезда, когда те уже собирались назад. Белые администраторы были уверены, что военное соглашение с Украиной возможно, но в отсутствие политического соглашения статус Украины после занятия белыми её территории оставался неясным [25: 239].

В октябре 1920 г. состоялся второй съезд представителей украинских организаций в Крыму с участием 56 делегатов от 18 организаций [25: 223, 392]. Съезд постановил просить Врангеля разрешить формирование отдельных украинских войск для действий против красных вместе с Русской армией [25: 226]. После закрытия съезда наиболее видные его деятели представились Врангелю и его начальнику штаба генералу П.Н. Шатилову. В их присутствии председатель съезда Н.Г. Левченко среди прочего заявил, что завоевать украинцев силой оружия нельзя, и что это было бы тяжким политическим преступлением [25: 233]. Генерал Шатилов не сдержался и отреагировал на это репликой: «Мы и не думаем завоевывать вас», на что Левченко напомнил ему о действиях ВСЮР в 1919 г. Врангель же резюмировал, что взял курс на создание общего фронта против красных, в т. ч. в союзе с украинцами. Однако намерение это запоздало. Участь Белого Крыма предопределило окончание боевых действий на советско-польском фронте, а потенциал украинских формирований Крыма и союза Врангеля с Петлюрой остался белыми не использован.

В приложениях к изданию воспоминаний опубликованы доклады и проекты Янушевского по украинскому вопросу. Среди них документы, относящиеся к лету 1920 г.: доклад об использовании Правобережной Украины для военных целей; проект формирования 1-й Украинской стрелковой дивизии для совместных действий с армией Врангеля; план операций на правом берегу нижнего течения Днепра.

Архив генерала Янушевского, помимо документов, вошедших в издание, содержит массу других материалов, представляющих исторический интерес. Наиболее ценны обширные воспоминания генерала «С украинской армией на интернации в Польше в 1921–1922 годах» [7; 8], позволяющие охарактеризовать пребывание остатков украинских войск в польских лагерях интернированных, содержащие ценные характеристики различных украинских деятелей. Хочется надеяться, что в перспективе будут опубликованы и они.

Примечания

1. По оценке А.С. Пученкова, «ни о какой национальной дискриминации говорить здесь не приходится. Её просто не могло быть, т. к. жители Украины воспринимались как те же русские», хотя «отдельные проявления великорусского шовинизма иногда присутствовали в поведении добровольцев» [17: 228].

2. По сообщению составителя сборника, этот список неполный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Славянской библиотеки (Прага). 6-1975. Переписка Пражского архива с Г.Е. Янушевским.
2. *Вергунский Г.И.* Мучения правды. Очерки. Новый Сад: Русская типография С. Филонова, 1925. 256 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 75. Доклад начальника штаба главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала П.С. Махрова от 8 (21) апреля 1920 г. на имя главнокомандующего П.Н. Врангеля.
4. ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 329. Переписка В.В. Чернавина с Г.Е. Янушевским. 1933–1938 гг.
5. ГА РФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 11. План Я.А. Слащева-Крымского по овладению Правобережной Украиной. 1920 г.
6. ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 217. Отзывы экспертов на предложенные к передаче в Русский заграничный исторический архив документы. Книга № 16 на фамилии владельцев на буквы «G», «Ch», «J», «Ja», «Ju».
7. ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Янушевский Г.Е. С украинской армией на интернации в Польше в 1921–1922 годах. Ч. 1. 1928 г.
8. ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Янушевский Г.Е. С украинской армией на интернации в Польше в 1921–1922 годах. Ч. 2. 1928 г.
9. ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 32. Переписка Г.Е. Янушевского. 1919 г.
10. *Ганин А.В.* 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 704 с.
11. *Ганин А.В.* Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Кучково поле Музеон, 2023. Т. 1. 1000 с.
12. *Ганин А.В.* Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2015. Т. XVIII. С. 488–561.
13. *Ганин А.В., Эверт И.В.* «Я служил, но проглядел жизнь с её радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 220–277.
14. Главное справочное бюро в Константинополе, 1920–1922 гг.: именные списки беженцев и чинов Русской армии: сб. док. / сост. А.В. Ефимов. М.: Институт Наследия, 2022. Вып. 2. 524 с.
15. *Ковальчук М.А.* Невідома війна 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ: Темпора, 2006. 576 с.
16. *Махров П.С.* Воспоминания 1917–1920 гг. / под науч. ред. А.В. Ганина. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле Музеон, 2025. 880 с.
17. *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна

1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.

18. Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 496 с.

19. Слащев-Крымский Я.А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. 272 с.

20. Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: Росспэн, 2018. 670 с.

21. Ставка и революция: Штаб Верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года: По документам Российского государственного военно-исторического архива: сборник документов: в 2 т. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1: 18 февраля – 18 июня 1917 г. 1144 с.

22. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОУ). Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Телеграммы и переписка о назначениях на должности офицеров Генерального штаба. 1918 г.

23. ЦГАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 246. Приказы по Генеральному штабу. 1922–1923 гг.

24. Чемакин А.А. Петлюровская делегация в белом Крыму (август – сентябрь 1920 г.) // Русин. 2025. № 81. С. 164–186. doi: 10.17223/18572685/81/7

25. Янушевский Г.Е. Украинский вопрос в Крыму при генерале П.Н. Врангеле / под ред. А.А. Чемакина. М.: Кучково поле Музеон; Издательский центр «Воевода», 2025. 416 с.

REFERENCES

1. The Archive of the Slavic Library (Prague). (n.d.) *Perepiska Prazhskogo arkhiva s G.E. Yanushevskim* [Correspondence of the Prague Archive with G.E. Yanushevsky]. 6-1975.

2. Vergunskiy, G.I. (1925) *Mucheniya pravdy. Ocherki* [The torments of truth. Essays]. Novi Sad: Russkaya tipografiya S. Filonova.

3. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920) *Doklad nachal'nika shtaba glavnokomanduyushchego Vooruzhennymi silami na Yuge Rossii generala P.S. Makhrova ot 8 (21) aprelya 1920 g. na imya glavnokomanduyushchego P.N. Vrangelya* [Report of the Chief of Staff of the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia General P.S. Makhrov dated 8 (21) April 1920 to the Commander-in-Chief P.N. Wrangel]. Fund R-5853. List 1. File 75.

4. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1933–1938) *Perepiska V.V. Chernavina s G.E. Yanushevskim. 1933–1938 gg.* [Correspondence of V.V. Chernavin with G.E. Yanushevsky. 1933–1938]. Fund R-5956. List 1. File 329

5. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920) *Plan Ya.A. Slashcheva-Krymskogo po ovladeniyu Pravoberezhnoy Ukrainoy. 1920 g.* [Plan

of Ya.A. Slashchev-Krymsky for capturing Right-Bank Ukraine]. Fund R-6217. List 1. File 11.

6. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Otzyvy ekspertov na predlozhennyye k peredache v Russkiy zagranichnyy istoricheskiy arkhiv dokumenty. Kniga № 16 na familii vladel'tsev na bukvy "G", "Ch", "J", "Ja", "Ju"* [Expert reviews on documents proposed for transfer to the Russian Foreign Historical Archive. Book No. 16 on owners' surnames starting with letters "G", "Ch", "J", "Ja", "Ju"]. Fund R-7030. List 1. File 217.

7. Yanushevskiy, G.E. (1928a) *S ukrainskoy armii na internatsii v Pol'she v 1921–1922 godakh* [With the Ukrainian army interned in Poland in 1921–1922]. Vol. 1. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7440. List 1. File 1.

8. Yanushevskiy, G.E. (1928b) *S ukrainskoy armii na internatsii v Pol'she v 1921–1922 godakh* [With the Ukrainian army interned in Poland in 1921–1922]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7440. List 1. File 2.

9. Yanushevskiy, G.E. (1919) *Perepiska G.E. Yanushevskogo* [Correspondence of G.E. Yanushevsky]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7440. List 1. File 32.

10. Ganin, A.V. (2022) *50 ofitserov. Geroi, antigeroy i zhertvy na istoricheskom perelome. 1917–1922* [50 officers. Heroes, anti-heroes and victims at the historical turning point. 1917–1922]. Moscow: Kuchkovo pole Museon.

11. Ganin, A.V. (2023) *Kadry General'nogo shtaba v period Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 gg.* [General Staff personnel during the Civil War in Russia 1917–1922]. Vol. 1. Moscow: Kuchkovo pole Museon.

12. Ganin, A.V. (2015) *Podgotovka kadrov General'nogo shtaba v ukrain-skikh voinskih formirovaniyakh v 1917–1939 gg.* [Training of General Staff personnel in Ukrainian military formations in 1917–1939]. In: *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies in Russian history]. Vol. XVIII. Moscow: [s.n.]. pp. 488–561.

13. Ganin, A.V. & Evert, I.V. (2019) "Ya sluzhil, no proglyadel zhizn' s ee radostyami". *Poslerevolutsionnyy dnevnik i tyuremnye pis'ma generala A.E. Everta. 1918 g.* ["I served, but missed life with its joys". Post-revolutionary diary and prison letters of General A.E. Evert. 1918]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 1(16). pp. 220–277.

14. Efimov, A.V. (ed.) (2022) *Glavnoe spravochnoe byuro v Konstantinopole, 1920–1922 gg.: imennyye spiski bezhentsv i chinov Russkoy armii* [The Main Reference Bureau in Constantinople, 1920–1922: nominal lists of refugees and members of the Russian Army]. Vol. 2. Moscow: Institut Naslediya.

15. Kovalchuk, M.A. (2006) *Nevidoma viyna 1919 roku: Ukraïns'ko-bilogvardiys'ke*

zbroyne protistoyannya [The unknown war of 1919: Ukrainian–White Guard armed confrontation]. Kyiv: Tempora.

16. Makhrov, P.S. (2025) *Vospominaniya 1917–1920 gg.* [Memoirs 1917–1920]. Moscow: Assotsiatsiya “Voennaya kniga”; Kuchkovo pole Museon.

17. Puchenkov, A.S. (2016) *Natsional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* [National policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. 2nd ed. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga.

18. Savich, N.V. (1993) *Vospominaniya* [Memoirs]. St. Petersburg: Logos; Düsseldorf: Goluboy vsadnik.

19. Slashchev-Krymskiy, Ya.A. (1990) *Belyy Krym 1920 g.: Memuary i dokumenty* [White Crimea 1920: Memoirs and documents]. Moscow: Nauka.

20. Soldatenko, V.F. (2018) *V gornile revolyutsiy i voyn: Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskie esse* [In the crucible of revolutions and wars: Ukraine in 1917–1920: historical and historiographical essays]. Moscow: Rosspen.

21. The Russian State Military Historical Archive. (2019) *Stavka i revolyutsiya: Shtab Verkhovnogo glavnokomanduyushchego i revolyutsionnye sobytiya 1917 – nachala 1918 goda: Po dokumentam Rossiyskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arkhiva: Sbornik dokumentov: v 2 t.* [Headquarters and the revolution: Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief and the revolutionary events of 1917 – early 1918: Based on documents from the Russian State Military Historical Archive: Collection of documents in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Kuchkovo pole.

22. Central State Archive of Higher Bodies of Power and Administration of Ukraine (TsGAVOU). (1918) *Telegrammy i perepiska o naznacheniakh na dolzhnosti ofitserov General'nogo shtaba* [Telegrams and correspondence on appointments of General Staff officers to positions]. Fund 1077. List 3. File 47.

23. Central State Archive of Higher Bodies of Power and Administration of Ukraine (TsGAVOU). (1922–1923) *Priказы po General'nomu shtabu* [Orders of the General Staff]. Fund 1078. List 2. File 246.

24. Chemakin, A.A. (2025) Petliura's delegation in White Crimea (August–September 1920). *Rusin*. 81. pp. 164–186 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/81/7

25. Yanushevskiy, G.E. (2025) *Ukrainskiy vopros v Krymu pri generale P.N. Vrangele* [The Ukrainian question in Crimea under General Pyotr N. Wrangel]. Moscow: Kuchkovo pole Museon; Izdatel'skiy tsentr “Voevoda”.

Ганин Андрей Владиславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Россия).

Andrey V. Ganin – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: andrey_ganin@mail.ru